

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СТРАНЕ

К ВОПРОСУ О ЕГО ФОРМИРОВАНИИ

Игорь Анатольевич ТОЛСТОКУЛАКОВ, старший преподаватель кафедры истории, экономики и культуры Кореи Высшего колледжа корееведения, аспирант ДВГУ. Сфера научных интересов — развитие демократических процессов в Республике Корея. Автор ряда публикаций по указанной теме.

В конце текущего столетия руководство многих государств мира пришло к осознанию необходимости проведения глубоких экономических реформ, основным содержанием которых является модернизация производительных сил, а также всего комплекса социально-экономических и политических отношений. К числу таких стран, вне всякого сомнения, следует отнести и Республику Корею, общественно-политическая и социально-экономическая системы которой по окончании второй мировой войны подверглись беспрецедентной в истории азиатских народов трансформации.

Благодаря бурному экономическому росту отстала на протяжении многих веков Корея занимает передовые рубежи в современном мировом хозяйстве. Опыт экономического развития Южной Кореи не только вызывает неизменный интерес исследователей, но и оценивается многими учеными и государственными деятелями как модель, по примеру которой следует проводить модернизацию хозяйственного механизма других стран.

Отечественное корееведение в последние годы сделало многое для изучения пути политического и экономического развития нашего дальневосточного соседа, однако проблема соотношения общего уровня социально-экономического развития и перспектив становления демократического строя на примере южнокорейского общества требует дальнейшего, более детального исследования. В этом контексте закономерным является интерес к происходящим в общественной жизни страны процессам, сочетающим в себе сохранение традиционных для корейского народа ценностей и активное внедрение социальных ориентиров индустриального и постиндустриального миров.

Настоящая статья ставит своей задачей охватить некоторые аспекты становления основ гражданского общества в Южной Корее, рассмотреть проблему сохранения конфуцианских традиций и их взаимодействия с новыми ценностными ориентирами, ставшими доступными для населения республики в ходе коренных экономических и демократических преобразований.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ТЕХНОГЕННЫХ И ТРАДИЦИОННЫХ

На рубеже нового тысячелетия внимание мирового сообщества приковано к развитию диалога различных по своему социокультурному происхождению очагов цивилизации. Термины «восток», «запад», «север», «юг» постепенно превращаются в научные понятия, выявляющие фундаментальные религиозные и философские различия сложившихся в современном мире цивилизованных стандартов, однако подразумевают и поиск элементов сродства, взаимодействия¹.

Выявление общих черт, свойств и возможных путей взаимодействия различных по своим культурным, социальным и экономическим ориентирам регионов мира, поиск универсальных ценностей и ориентиров, способных сблизить их и стать в перспективе импульсом для перехода к единой универсальной цивилизации, становится насущной задачей в свете развивающейся, по мнению С. Хантингтона², угрозы их столкновения, когда «новая опасность», грозящая миру в XXI в., идет уже не по линии противостояния национальных государств, а по линии разлома между разными цивилизациями — прежде всего западной, и всеми остальными³.

Современными проблемами цивилизаций занимается большой круг специалистов — философов, социологов, историков, этнологов и других. Новая волна исторической науки, выдвинувшая цивилизационный подход в качестве существенного дополнения формационному, различает цивилизации техногенные и традиционные. В задачу данного исследования не входит описание техногенных цивилизаций. Ограничимся лишь констатацией полной тождественности последней и понятия «Запад».

Традиционными принято считать те цивилизации, жизненный уклад которых ориентирован на воспроизведение своего образа жизни, как раз и навсегда данного. Обычаи, привычки, взаимоотношения между людьми в таких обществах очень устойчивы. Личность здесь подчинена общему порядку и ориентирована на его сохранение⁴. Основанная на конфуцианских традициях дальневосточная цивилизация Китая, Японии, Кореи в высшей степени традиционна.

По С. Хантингтону, основным определяющим облик цивилизации фактором является религиозный⁵. Поскольку стержневым элементом любой религиозной системы является ее философское и этическое содержание, то и в случае стран дальневосточного региона, где преобладает конфуцианская философско-этическая традиция, мы вправе использовать его метод для оценки восточноазиатского культурного комплекса, вводя понятие «*конфуцианская цивилизация*». Разница между мирами христианским, мусульманским и конфуцианским столь разительна, что она закрепилась даже на лингвистическом уровне.

Так, например, такое философское понятие, как «справедливость», важное для любой цивилизации, в древнем корейском языке отсутствовало. Это, тем не менее, не означает того, что понятие справедливости чуждо восточной культуре. Напротив, по мнению южнокорейского лингвиста Ким Ёль Су⁶, оно занимает почетное место в этических системах Востока. Однако в них совершенно иначе рассматриваются отношения между индивидуальным и коллективным, поэтому здесь «справедливость» лишена западного смысла социального равенства и равных возможностей для каждой личности. Значение слова «справедливость» в корейском языке показывает, что конфуцианская концепция человека как особой ролевой матрицы в обществе не предусматривает социального равенства вообще. Примерно так же обстоит дело с другими по-

нятиями и ценностями корейского общества — долга, совести, права, обязанности, сотрудничества и т.д. Они отличаются от сходных терминов западного типа и сыграли огромную роль в трансформации конфуцианского общества по иному социальному проекту, в котором основными характеристиками являются однородность и солидарность, тождественность и сотрудничество.

ЦИВИЛИЗАЦИИ ВОСТОКА И ПРОЦЕСС МОДЕРНИЗАЦИИ

Последние два века в истории человечества связаны с процессами непрерывного совершенствования технологической и технической основы общества, приспособления к новым явлениям социальных структур, управляющих общественным развитием. Эти многоплановые процессы можно объединить в понятие «модернизация». Прослеживается тенденция смещения и даже отождествления этого явления с процессом «вестернизации». Такое смещение понятий в некоторой степени обосновано, так как «поднявшаяся на Западе технотропная волна, перемещаясь на Восток, несет с собой и определенные западные жизненные стандарты и социальные ценности»⁷.

Вторая половина текущего столетия связана с резким ускорением темпов модернизации. В странах, цивилизация которых носит ярко выраженный традиционный характер, в том числе и в Корее, возникает проблема приспособления социальных структур к изменяющимся производственным отношениям и новым потребительским возможностям. Решать ее приходится в относительно короткие сроки ввиду стремительного нарастания скорости вестернизации.

В 60—70-х годах Южная Корея добилась внушительных успехов в экономической сфере, но, как и многие другие страны Восточной Азии и Латинской Америки с авторитарными режимами, она не претерпела каких-либо серьезных сдвигов в социальной сфере, не продвинулась в направлении политической демократии. Совпавший с окончанием холодной войны и крушением дуполярного мирового порядка период с конца 80-х по начало 90-х годов ознаменовался «дальнейшей экспансией западной системы политической демократии, ее демократических институтов, ценностей, установок и норм»⁸. Во многих странах мира, как и в Корее, на смену авторитарным режимам пришли избранные демократическим путем правительства. Эти события позволили известному японскому философу Ф. Фукуяме говорить об окончательной победе западной либеральной демократии и, следовательно, «конце истории»⁹. Мне такая постановка вопроса кажется преждевременной и логически необоснованной.

Жизнь выдвигает множество вопросов, ответы на которые еще не найдены ни в Южной Корее, ни в других странах молодой демократии:

насколько современные экономические условия соотносятся со степенью развития политической демократии¹⁰;

проявляется ли в странах Востока свойство демократии как народовластия;

совместима ли демократия с традиционными культурами незападного мира;

насколько демократия жизнестойка и управляема в тех странах Востока, где уже наблюдается зарождение и развитие демократических процессов?

Краеугольным камнем проблемы является адекватное восприятие сущности демократии как *народовластия* в разных культурных средах. Народовластие подразумевает признание за народом каждой конкретной страны права быть носителем верховной власти. Демократия обладает способностью адаптироваться к самым различным национально-культурным условиям. Однако различные культурные общности могут по-разному трактовать как формы проявления народовластия, так и его содержание¹¹. Менталитет многих народов

делает невозможным механическую трансплантацию в их среду сложившихся на Западе форм, принципов и институтов демократии. Политическая система стран Востока сохраняет печать традиционных норм и устоев их народов. Перспективы модернизации и демократизации во многом зависят от общего уровня культуры, в рамках которой идет процесс их развития.

Западная демократическая традиция направлена на формирование открытого *гражданского общества*, в основе которого лежит принцип соблюдения приватности и раздельности частных интересов (отдельных социальных групп и индивидуумов). Современная политология определяет гражданское общество как «общество развитых социально-экономических, политических и духовно-нравственных отношений, высокой общей и социально-политической культуры, социальной и политической активности своих членов (граждан), отделенное и независимое от государства».¹² Этот термин означает организации и институты современного социального порядка, которые независимы от государства и самостоятельно определяют форму взаимоотношений с государством. Последнее в современных условиях отождествляется с правовым и институциональным аппаратом, в то время как гражданское общество представляет собой модели и комплекс различных объединений (группы по интересам, профсоюзы, организации со свободным членством и т.п.), постоянные и временные, далеко не всегда подлежащие правовому регулированию. Содержание понятия гражданского общества включает всю совокупность неполитических отношений в обществе: экономические, духовно-нравственные, религиозные, национальные и т.д. Гражданское общество — это сфера спонтанного самопроявления свободных индивидов и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций граждан, в законодательном порядке огражденная от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны органов государственного управления (по Lagou и Alexis de Tocqueville)¹³. Европейское понимание демократии подразумевает приоритет индивидуальных интересов над общественными. Отсюда возникает вопрос об индивидуальных правах и свободах. В большинстве же стран Востока он переносится на общественные ценности и интересы. Довольно трудно совместить западное понимание демократии с восточной действительностью.

Особенности развития демократического процесса в условиях традиционной культуры прослеживаются на примере становления и развития гражданского общества в Южной Корее.

КОНФУЦИАНСКИЕ ТРАДИЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОРЕЕ

В самом начале следует заметить, что многие корейские авторы¹⁴ категорически отвергают традиционную для западного мира трактовку сущности и содержания гражданского общества. Для них характерна оценка основанного на конфуцианских нормах средневекового общества своей страны уже в качестве гражданского. Главный аргумент такой точки зрения состоит в том, что конфуцианство, во многом отличаясь от европейских религиозно-философских систем, изначально направлено на регулирование взаимоотношений между личностью и социумом, между человеком и государством¹⁵. В статье Чо Хе Ина мы читаем: «Многие западные исследователи впадают в ошибку, основываясь на противопоставлении гражданского общества так называемым «авторитарным режимам» азиатских стран»¹⁶. Из одного этого высказывания становится ясно, что понимание гражданского общества в европейской традиции есть нечто иное, чем гражданское общество для мира конфуцианской культу-

ры. Поэтому в корейской литературе часто используется «компромиссный» термин — «современное гражданское общество», более близкий к западной трактовке понятия.

Сущностное отличие этих двух подходов заключается в системе построения гражданского общества и его основных функциях. Западные авторы подчеркивают, что структура последнего представляет собой «совокупность пересекающихся социальных водоразделов горизонтальных сетей, состоящих из всевозможных общественных, экономических, политических, профсоюзных, по интересам и т.п. объединений свободно определяющихся граждан»¹⁷. У корейских политологов это совокупность общепринятых норм и принципов, регулирующих *вертикальную систему (И.Т.)* отношений в обществе¹⁸. Одним словом, для европейца гражданское общество — это совокупность горизонтальных сетей, а для традиционных, в том числе и конфуцианских обществ, — это система вертикальных отношений по принципу «патрон — ученик».

Целью гражданского общества в западном мире является в конечном итоге производство социального капитала или «всеобщего блага» путем пересечения социальных барьеров-водоразделов, главное средство для достижения данной цели видится в широчайшем и равноправном общественном сотрудничестве¹⁹. В странах конфуцианской культурной традиции эта цель трансформируется в задачу поддержания социальной стабильности не за счет размывания барьеров, но путем их сохранения, усиления роли государства как координатора, распорядителя и универсального контролирующего органа во всех сферах жизни.

Исходя из этого соображения, было бы неверно оспаривать утверждение о том, что «единственным истоком становления гражданского общества в Корее является ее конфуцианская традиция»²⁰. Но в таком случае необходимо акцентировать внимание и на следующем положении: «Когда на конфуцианское в своей основе гражданское общество Кореи стали оказывать влияние демократические институты, нормы, установки и ценности западного мира, в нашей стране (в Южной Корее. — *И.Т.*) начался процесс модернизации социальных институтов и появились основы современного гражданского общества»²¹.

На современном этапе можно выделить следующие основные функции гражданского общества (большинство из них нацелено на перспективу):

формирование норм коллективного взаимодействия и выработка модели коллективных действий;

создание широкой сети самостоятельной гражданской активности;

обеспечение независимости каждого гражданина или их объединений от партийной или электоральной политики;

защита интересов граждан вне зависимости от их социального происхождения и положения (общество должно отстаивать интересы своих граждан вне зависимости от того, обусловлены ли они явными «социальными водоразделами», либо просто личными вкусами);

сопротивление давлению со стороны государства (в этом отношении гражданское общество должно служить противовесом государству)²².

Очевидно, что три последние функции гражданского общества, а особенно сопротивление государственному давлению и защита индивидуальных интересов граждан в корне противоречат устоям и нормам конфуцианской традиции.

Конфуцианская философско-этическая система заложила основы современной цивилизации Восточной Азии и по сей день сохраняет важные позиции в общественной жизни Китая, Японии, Кореи и других стран региона. Не следует рассматривать восточные культуры как исключительно коллективис-

ские, а западные — в качестве исключительно индивидуалистских. Оба начала присутствуют во всех культурах, но проявляются с разной интенсивностью. Сущность демократии подразумевает отсутствие противопоставления этих начал²³, демократическое общество находит пути оптимального регулирования взаимоотношений между коллективными и индивидуальными интересами. Показательным в этом отношении является опыт Кореи и некоторых других стран АТР, находящихся на стадии отлаживания механизма «современного гражданского общества».

Отдельные базовые нормы конфуцианской культуры и религии — трудолюбие, бережливость, прилежание, умеренность, преданность — обнаруживают сходство с элементами протестантской этики, игравшей важную роль в формировании капиталистического духа предпринимательства²⁴. Такое совпадение можно считать одной из причин бурного развития корейской экономики в 60—70-е годы, когда страна вступила на путь модернизации хозяйства.

Характерным для конфуцианской этики было признание важности индивида для общественного благосостояния, уважение к человеческому достоинству, такие взгляды при соответствующем их развитии способны впитать влияние западных концепций личности и ее свободы²⁵.

И конфуцианство, и буддизм как основные философские и религиозные системы Дальнего Востока в сущности являются «открытыми вероисповедными системами»²⁶, поэтому народы региона всегда обладали значительной гибкостью мышления и готовностью принимать иноземные веяния, но только в том случае, если они оценивались как полезные для развития собственной страны. Такая традиция позволила органически интегрировать в структуру менталитета сначала японцев, а гораздо позднее и корейцев многие элементы западной культуры, в том числе и современные представления о демократии, личности, свободе, либерализме. Новые тенденции постепенно пробивают дорогу и в важнейших сферах общественной жизни, закладывают основы гражданского общества в его европейском содержании. Усвоение западного подхода к ценностям человеческой цивилизации нельзя сводить к механическому копированию и воспроизводству, принципы и ценности иной культурной среды творчески перерабатываются и принимают наиболее оптимальные для местных условий формы. Более того, можно вести речь и об обратном влиянии традиционных цивилизаций на западный мир.

Конфуцианский вариант отношения к роли человеческого фактора в экономическом развитии и обеспечении социальной стабильности получает все более растущее признание на Западе²⁷. Особенно показательным с этой точки зрения является распространение японской системы управления не только в Южной Корее и других странах АТР, но и в Европе, США²⁸. Наблюдается тенденция применять указанную систему и в области регулирования социальных отношений.

Современное гражданское общество Кореи и других дальневосточных стран сохраняет конфуцианский принцип «единой семьи». На общенациональном уровне сильны процедуры и механизмы принятия решений и согласования интересов различных социальных групп и категорий населения. Наглядной иллюстрацией является практика проведения избирательных кампаний, в частности парламентских выборов 1996 г.²⁹ Существует много указаний на действие в Южной Корее непривычной для западных стран системы тесных связей между государственной бюрократией и промышленными корпорациями³⁰.

Многие исследования показывают, что корейцам несвойственно мыслить себя вне тех социальных коллективов, к которым они принадлежат. Их пове-

дение соотносится с интересами и целями таких сообществ. Наряду с семьей в качестве регуляторов поведения корейца выступают землячество, родственник клан, школьные и институтские общины, коллектив фирмы или компании. Даже политические разногласия во многом основываются на противоречии интересов различных регионов страны³¹.

В отличие от западной модели демократии, гражданское общество Кореи делает акцент на самоорганизацию личности в системе общественных и государственных интересов. Этим оно вступает в коренное противоречие с индивидуалистическими ценностями, установками и ориентирами Запада.

Практика становления гражданского общества в Южной Корее показывает, что не следует отождествлять демократию с торжеством индивидуальной свободы. При оценке процесса демократизации в этой стране подход к демократии как обеспечению либеральных основ в экономической и социальной сфере не срабатывает. Демократия воспринимается здесь прежде всего «как форма государства, при которой *вся нация (И.Т.)* служит источником и носителем идей, сущности и целей политической и государственной власти»³². А либерализм — как «форма политической организации общества, при которой на первое место выступает *защита свободы личности*, гуманизма, рыночного хозяйства, свободы предпринимательства и конкуренции при *минимальном вмешательстве со стороны государства*, умеренном реформаторстве, рационализме, *терпимости*, развитии парламентаризма, индивидуализма, космополитизма, *независимости по отношению к традициям*»³³.

Новые индустриальные государства, и в их числе Корея, достигли экономического прогресса, отказавшись от либерализма, в значительной мере благодаря протекционистской политике при жестком контроле за обществом с целью поддержания его стабильности. Именно этим, по мнению В.Г. Хороса³⁴, отличается практика развития процессов модернизации в странах 2-го и 3-го эшелонов мировой капиталистической системы. Условия осуществления модернизации в Корее характеризуются прежде всего необходимостью преодоления колониального наследия и создания процветающего национального государства. На первый план выдвигается фактор политической воли, носителем которого по конфуцианской традиции всегда является государство, значительно укрепляется роль последнего в качестве двигателя и гаранта поступательного развития общества. Усиливается его значимость в деле обеспечения социальной стабильности, а в условиях постоянной угрозы со стороны северо-корейского коммунистического режима — и национальной безопасности. Незрелость национальной буржуазии, интеллигенции, социально-психологические трудности адаптации населения к новым жизненным условиям и требованиям приводят к еще большему усилению государства как универсального механизма социально-экономической и политической регуляции.

В условиях промышленной модернизации в Южной Корее вновь воспроизводится модель взаимоотношения между обществом и государством, основанная на конфуцианских нормах, принципах и традициях. Вступившие на путь глубоких социально-экономических изменений в середине XX в. страны обладали даже так называемыми «преимуществами отсталости». Прежде всего готовностью заимствовать передовые технологии. Но для реализации такого преимущества требуются определенные условия: природные и людские ресурсы, идеи национального предпринимательства.

Важную роль играет и субъективный фактор — готовность и, главное, способность политических лидеров и правящих кругов вести сбалансированную, реально обоснованную социально-экономическую политику. И это вновь

возвращает нас к традиции «сильного государства», в полной мере воплощенной в жизнь президентом Пак Чжон Хи. Только сильная государственная власть могла стать центром притяжения всех социальных слоев на пути решения основной задачи нового этапа модернизации: преодолев отставание от ведущих капиталистических держав, вырваться из периферийной окраины мировой экономической системы. Корея встает перед новыми, носящими глобальный характер проблемами: экологической, сырьевой, демографической — их решение также требует сильного централизующего начала.

В южнокорейском обществе по-прежнему сохраняется проблема обеспечения либеральных свобод, прав человека, признания приоритета свободы личности над остальными ценностями даже сейчас, когда эпоха авторитарного правления ушла в прошлое. Традиционалистские социальные структуры Кореи по-прежнему проявляют склонность подчинять личные интересы граждан интересам того или иного коллектива, они служат гарантом законопослушания населения и общественной стабильности. В рамках таких структур активно действует режим внутренней демократии, существуют эффективные формы и методы принятия коллективных решений. Это позволяет обеспечивать относительно прочную социальную стабильность за счет упрощения процедуры достижения общественного консенсуса. В незападном мире, к которому принадлежит Корея, выживаемость и управляемость гражданского общества и демократии в целом напрямую зависят от сочетания и согласованного действия таких атрибутов классической демократии, как парламентаризм, конституционализм, правовое государство, многопартийность, с одной стороны, и присущих конфуцианскому миру форм общественной организации — с другой.

Сторонники демократии как воплощения в жизнь либеральных норм продолжают критиковать правящие круги Южной Кореи за сохранение авторитарных методов управления страной и контроля за обществом. Но они забывают о том, что авторитарные режимы Кореи взяли на вооружение принципы общественного управления, которые сложились задолго до нынешнего момента в ходе длительного процесса развития государства на конфуцианской основе.

Переворот 1961 г. и эпоха военно-бюрократического правления Пак Чжон Хи не принесли ничего нового в политическую культуру корейского общества, но, напротив, «явились логическим продолжением предыдущего исторического пути корейского народа»³⁵. Система жесткой феодальной регламентации, религиозно-этические нормы конфуцианства, полувековое господство японских колонизаторов на Корейском полуострове, экономический и социальный хаос первых десятилетий после освобождения — вот основные вехи этого пути. Пак Чжон Хи возвратил корейскому обществу традиционные формы социальной организации, восстановил роль и значение государства, сплотил все силы нации и на этой основе создал условия для резкого экономического взлета своей родины.

Для конфуцианской и неоконфуцианской идеологии феодальной Кореи было свойственно наличие отношений патронимии. Корейцы видели опекуна нации в лице верховного правителя — вана. Курс Пак Чжон Хи органично вписался и в эту корейскую традицию.

Попытки его предшественника Ли Сын Мана внедрить на корейскую почву основы либеральной демократии сразу же после освобождения не привели к желаемому результату. Его курс обернулся для страны полным хозяйственным крахом и экономической разрухой. Лишь возвращение «привычных для корейского общества норм государственного и общественного управления»³⁶ президентом Пак Чжон Хи, создание им военно-бюрократического строя на основе традиционных общественных структур, введение авторитарных порядков, аналоги которых можно проследить в истории феодальной Кореи, позво-

лили осуществить широчайшие экономические реформы. Последние породили социально-экономические и политические условия, обеспечившие неизбежность демократических преобразований на рубеже 80—90-х годов. Многие корейские авторы³⁷ утверждают, что Пак Чжон Хи фактически «воссоздал традиционное для Кореи гражданское общество на конфуцианских основах»³⁸.

Переход на новую ступень экономического и социального развития, подготовленный и осуществленный в период правления возглавляемой Пак Чжон Хи группировки военных и продолженный, хотя и без значительных достижений, при Чон Дух Ване и Ро Дэ У, послужил катализатором процесса всеобщей модернизации южнокорейского общества.

Как бы ни складывалась дальнейшая судьба процесса демократизации в Корее и сходных с ней странах, их общественные и политические системы будут сохранять традиционные ценности и ориентиры. Япония, Корея, другие страны АТР, осваивая достижения техногенной цивилизации и оберегая многие черты своей традиционной культуры, отказываются от пути глобальной или абсолютной вестернизации, но сочетают модернизацию своего общества с развитием собственной культурной идентичности. Поэтому, обладая большим весом и влиянием на международной арене, продолжая процессы демократической трансформации, они в обозримом будущем сохраняют полудемократические и даже откровенно авторитарные (с точки зрения западного человека) формы социального управления.

Мировая цивилизация стремится к созданию универсальных форм и путей социально-экономического и политического развития, которые были бы приемлемы для культурных очагов различного типа и служили бы для упрочения связей между ними на линии «цивилизационных разломов». Однако полная унификация всего мирового сообщества на принципах рыночной экономики и либеральной демократии даже в эпоху всеобщей глобализации представляется невозможной.

Отказ от воспроизведения на новом уровне исторического развития своей собственной культурной традиции и национальной идеи неизбежно затрудняет процесс социально-экономической и политической трансформации. Любое развитие успешно осуществляется лишь на почве собственной национальной традиции. Наглядным примером служит Россия наших дней, где еще только предстоит восстановить разрушенные национальные ценности и ориентиры, способные дать импульс подлинному обновлению. Южнокорейское общество представляет пример иного рода: сочетание собственных культурных и социальных ориентиров, а также процесса глубоких социально-экономических и политических реформ.

¹ Петякшева Н.И. Проблемы диалога цивилизаций // *Вопр. философии*. 1996. №1. С.186—187.

² См.: Huntington S. *The Third Wave. Democratization in the Contemporary World*. N.Y., 1992. и Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // *Полис*. 1994. №1.

³ Хантингтон С. Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации // *Мировая экономика и международные отношения*. 1995. №6. С.90.

⁴ Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы: Эколого-политологический анализ // *Вопр. философии*. 1995. №1. С.13.

⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // *Полис*. 1994. №1. С.29.

⁶ Ким Ёль Су. Тонгччок мунхваесо конгджонгэ ттыт (Значение понятия «справедливость» в рамках восточной культуры) // 1995. 01. (Материалы VII Конференции философов «Восток — Запад». Гонулулу, 1995. янв.). Сеул: Хангукчхонгчхихакса, 1995. С.96—107.

⁷ Моисеев Н.Н. Указ. соч. С.17.

⁸ Гаджиев К.С. Эпоха демократии? Проблемы экспансии демократии // *Вопр. философии*. 1996. №9. С.3.

- ⁹ Фукуяма Ф. Конец истории // *Вопр. философии*. 1989. №4.
- ¹⁰ Утверждение основ рыночной экономики далеко не всегда ведет к созданию демократического режима. Классическое подтверждение этому мы наблюдаем на примере современного Китая, с его рыночной экономикой и тоталитарной политической системой.
- ¹¹ Гаджиев К.С. Указ. соч. С.7.
- ¹² Тадевосян Э.В. *Словарь по социологии и политологии*. М., 1996. С.52—53.
- ¹³ См.: Tocqueville, A. de. *Democracy in America*. N.Y. Doubleday, 1969. и Diamond L. *Rethinking Civil Society. Toward Democratic Consolidation*. *Journal of Democracy*. № 5, July 1994.
- ¹⁴ См.: Чхве Чанг Джип, Лим Хён Джин. Симин сахвёй тоён (Проблемы гражданского общества). Сеул; Нанам, 1993; Ким Сон Гук. Нонпхёнг: Куккароныро пухто симин сахвероныро (От дискуссии по проблемам государственного строительства к дискуссии по поводу гражданского общества) // Хангук сахвёй пипханёк инсик (Критический взгляд на корейское общество). Сеул; Нонам, 1990; Ю Пхальму, Ким Хо Ги. Симин сахвева симин ундонг (Гражданское общество и общественное движение). Сеул: Ханьль, 1995.; Kwon Tai-hwan, Cho Hein. *Confucianism and Korean Society: A Historical Basis of Korean Democratization // Democracy in Asia*. Ed. by M.Schmiegelow. Frankfurt: Campus Verlag, 1997. и Cho Hein. *The Historical Origin of Civil Society in Korea // Korea Journal*. Vol. 37, № 2, summer 1997.
- ¹⁵ Cho Hein. Указ. соч. С.31.
- ¹⁶ Там же. С.24.
- ¹⁷ Putman R. *Making Democracy Work: Civil Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 12.
- ¹⁸ Kwon Tai-hwan, Cho Hein. Указ. соч. С.110.
- ¹⁹ Fouly M., Edwards V. *Paradocs of the Civil Society*. *Journal of Democracy*. 1996. Vol. 7, № 3. P. 40.
- ²⁰ Ким Сонгук. Указ. соч. С.115.
- ²¹ Ю Пхаль Му, Ким Хо Ги. Указ. соч. С.15.
- ²² Fouly M., Edwards V. Указ. соч. С.48.
- ²³ Гаджиев К.С. Указ. соч. С.9.
- ²⁴ Nakamura H. *Japanese Traditional Values and Industrialization // International Social Science Review*. 1987. Vol. 62, № 1. P. 7.
- ²⁵ Буров В.Г. *Современная китайская философия*. М., 1980. С.40.
- ²⁶ Гаджиев К.С. Указ. соч. С.12.
- ²⁷ Гаджиев К.С. *Размышления о конце евроцентристского мира и новой конфигурации геополитических сил // Социологические исследования*. 1993. №4. С.19.
- ²⁸ Один из важнейших принципов этой системы заключается в том, что все члены фирмы или общества связаны между собой узлами взаимных обязательств в своего рода «семью». Как пишет профессор Гарвардского университета М. Дючлер, «быть членом «семьи» — значит руководствоваться принципом, согласно которому «семья» предполагает взаимную ответственность всех за благополучие каждого. Рабочий отвечает за менеджера, управленец как «старший брат» должен заботиться о своих подчиненных». [См.: Deuchler M. *The Confucian Transformatin of Korea: A Study of Society and Ideology*. Cambridge: Harvard University Press, 1992. P. 8.]
- ²⁹ См.: специализированный выпуск *Korea Observer*. Vol. XXVIII, № 1. Spring 1997.
- ³⁰ Oh J., Wiegnd B. *Democracy, Development and Corruption: The Case of Korea // Korea Observer*. Vol XXVII, № 4. Winter 1996. P. 493—528.
- ³¹ Гаджиев К.С. *Эпоха демократии? Проблемы экспансии демократии // Вопросы философии*. 1996. №9. С.13.
- ³² Kwon Tai-hwan, Cho Hein. Указ. соч. С.112.
- ³³ Тадевосян Э.В. *Словарь по социологии и политологии*. М., 1996. С.121.
- ³⁴ Хорос В.Г. *Модернизация в России и Японии (цивилизационные аспекты) // Мировая экономика и международные отношения*. 1991. №8. С.70—79.
- ³⁵ Cho Hein. Указ. соч. С.35.
- ³⁶ Там же. С.37.
- ³⁷ См. примечание 14.
- ³⁸ Cho Hein. Указ. соч. С.38.

SUMMARY. The article by a senior lecturer of the High Korea-Study College of the Far Eastern State University I.Tolstokulapov «Civil Society in the Country» is devoted to the problem of forming such a society in South Korea. The author states that forming the civil society in this country is based on the principles of Confucian culture. As there spoken in the article, the perspectives of the further modernization of South Korean society is defined by combination of traditional cultural background and democratic principles of the Western World.